

Александр Иванович Куприн

Студент-драгун

Киевские типы

Александр Куприн

Студент-драгун

«Public Domain»

1895

Куприн А. И.

Студент-драгун / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1895 — (Киевские типы)

«Фуражка прусского образца, без полей, с микроскопическим козырьком, с черным вместо синего околышком; мундир в обтяжку с отвороченной левой полой, позволяющей видеть белую шелковую подкладку; пенсне на широкой черной ленте; ботинки без каблуков и белые перчатки на руках вот обыкновенный костюм студента-драгуна, которого вы ежедневно видите на Крещатике. С тайной грустью думает он о том, что „как-то не принято“ носить постоянно шпагу (это ведь так красиво, когда из-под мундира выглядывает золоченый кончик ножен), но по свойственному ему отсутствию инициативы он все-таки не решается ввести в своем кругу эту моду, уже давно не новую для петербургских студентов-гвардейцев. Наружности своей он старается придать возможно более корректный отпечаток, посвящая ей по крайней мере часа три-четыре в сутки. У него всегда найдется в карманах целый ассортимент туалетных принадлежностей, флакончик Vera-Violetta[](#n_1), напильничек, замша, розовый порошок и крошечные ножницы для ногтей, складное зеркальце, миниатюрная пудреница, палочка фиксажура и коллекция щеточек для коротко остриженных волос, закрученных усиков и маленькой остроконечной бородки...»

Содержание

Александр Иванович Куприн

Студент-драгун

Фуражка прусского образца, без полей, с микроскопическим козырьком, с черным вместо синего околышком; мундир в обтяжку с отвороченной левой полой, позволяющей видеть белую шелковую подкладку; пенсне на широкой черной ленте; ботинки без каблуков и белые перчатки на руках вот обыкновенный костюм студента-драгуна, которого вы ежедневно видите на Крещатике. С тайной грустью думает он о том, что «как-то не принято» носить постоянно шпагу (это ведь так красиво, когда из-под мундира выглядывает золоченый кончик ножен), но по свойственному ему отсутствию инициативы он все-таки не решается ввести в своем кругу эту моду, уже давно не новую для петербургских студентов-гвардейцев. Наружности своей он старается придать возможно более корректный отпечаток, посвящая ей по крайней мере часа три-четыре в сутки. У него всегда найдется в карманах целый ассортимент туалетных принадлежностей, флакончик Vera-Violetta¹, напильничек, замша, розовый порошок и крошечные ножницы для ногтей, складное зеркальце, миниатюрная пудреница, палочка фиксажура и коллекция щеточек для коротко остриженных волос, закрученных усиков и маленькой острокопечной бородки.

Тем не менее эти заботы никогда не скрывают ни умственной, ни душевной пустоты студента-драгуна, ни раннего его знакомства с радостями жизни, за которые в старое доброе время добродетельные и чадолюбивые отцы исправно посекали своих девятнадцатилетних сыновей. Эти качества сквозят в мутном, безжизненном взгляде из-под устало полуопущенных ресниц, в нездоровой бледности лица, в резких чертах около глаз и носа и в том плотоядном выражении глаз и губ, с которым студент-драгун оглядывает встречающихся ему на улице женщин.

Университет он, конечно, иногда посещает: там, в коридорах и в курилках, в антракте между лекциями, всегда очень шумно и весело, можно встретиться со «своими» и условиться насчет вечерней партии винта и ужина у Рейнера, услышать свежую новость или пикантный анекдот и, наконец, из любопытства (это, право, презабавно) посидеть минут десять на лекциях, глядя с презрительной усмешкой на *этих, в поношенных тулупках*, которые *там что-то слушают* и даже записывают *какую-то ерунду*.

Нечего уже и говорить о том, что он поразительно равнодушен к науке, искусству и общественным вопросам. Все печатное вызывает в нем род душевных судорог. Однако у него в распоряжении всегда есть десятка два или три общих мест, с помощью которых он прикрывает от неопытного наблюдателя свое убожество. «Шекспир? О! Это был великий знаток человеческого сердца. Вы знаете, его Гамлет так глубок, что его не могут до сих пор постичь лучшие комментаторы. Впрочем, говорят, что вовсе даже и не Шекспир его написал, а Бэкон». «Пушкин? Какая красота! Какая легкость и безыскусственность... *Когда весь день стоит как бы хрустальный*... Пушкин истинный создатель русского языка». «Вагнер? Вот где музыка будущего!» и так далее. Впрочем, надо оговориться: студент-драгун знаком отчасти с современной французской беллетристикой и цитирует наизусть целые порнографические страницы из Золя, Мопассана, Катюль Мендеса, Лоти и Бурже. При этом он питает слабость к бульварным французским восклицаниям вроде: «Tiens!.. fichtre!.. oh-la-la!.. il a du chien!..»² и проч.

Но в чем он истинный гений, что занимает *целый день его тоскующую лень*, это карамбольный бильярд у Штифлера, и, право, студенту прежнего времени похвала Грановского или Пирогова не доставляла столько гордого и стыдливого удовольствия, как современному студенту-драгуну брошенное вскользь одобрение всегда полупьяного маркера Якова: «Вот этого

¹ название духов— фр.

² Каково!.. черт возьми!.. о-ла-ла!.. он с изюминкой!.. — фр.

шара вы ничего, чисто сделали». Другое его развлечение винт, и непременно самый хищнический открытый, с присыпкой, гвоздем, винтящимися коронками и тройными штрафами. Нередко, встав из-за карточного стола, он с небрежно-рассеянным видом и бегающими глазами объявляет, что, «кажется, господа, я не захватил своего бумажника... пусть останется за мною».

Студент-драгун ходит в самые модные рестораны. Ничто так не щекочет его мелкого тщеславия, как фамильярно-почтительный поклон франтоватого и фаворизованного местною золотою молодежью лакея. При этом студент-драгун топорщится, выпячивает грудь, говорит популярному лакею «ты» и «братец», брезгливо морщится, читая меню, но изредка бросаемые им на посетителей ресторана быстрые взгляды выдают его радостное волнение.

Случается, что, окончив завтрак, он отзывает великолепного лакея в темный угол пустого кабинета и там, краснея, умоляющим голосом упрасивает его взять на себя и *этом счет*, «а на той неделе мне, ей-богу, пришлют из деревни, так я за все расплачусь сразу». Когда же лакей, после продолжительного колебания, соглашается, наконец, на его просьбу, лицо студента-драгуна озаряется самой живой радостью. Он с усилием сдерживает рефлексивное движение своей руки, стремящейся крепко пожать лакейскую руку, и выходит из ресторана, ковыряя во рту зубочисткой, с видом пресыщенного и равнодушного *gourmand*³.

Не меньше удовольствия доставляет этому милому молодому человеку близость с лихачом Карлом или Ачкасом, близость, приобретенная ценою трех рублей «на чай», выпрошенных у товарища по кутежу с громадными усилиями и унижениями. Студент-драгун по своему происхождению принадлежит чаще всего к богатым, безалаберным семьям. Впрочем, между разновидностями этого типа попадаются нередко и дети бедных, но благородных фамилий, в которых они обыкновенно состоят на положении милых *enfants terribles*⁴, боготворимых всеми членами семьи.

«Положим, у Сонечки башмаки каши просят, а у Гришутки из пальто вата давно вывезла, рассуждает мать семейства над какими-нибудь десятью рублями, сколоченными усилиями героической экономии, но как же отказать Мишеньке? Ведь он взрослый, он *мужчина*, он *студент*, надо же ему на разные... там... мелочи!»

Правда, надо отдать справедливость этой самоотверженной матери: она и не подозревает о том, что на Другой же день ее *Мишенька*, фланируя с приятелями по Крещатику и завидев издали свою мать в поношенном бурнусишке, юркнет в первый попавшийся магазин, повинувшись неодолимому чувству подлого, низменного стыда за бедно одетую мать, у которой еще, кроме того, такое ласковое (очень смешное на улице) выражение лица. Если же бегство почему-либо не удастся и товарищи спросят его: «С какой это ты сейчас салопницей раскланивался?» он ответит, весь пунцовый и даже вспотевший от стыда: «Так... это... там... одна бедная знакомая».

Всего интереснее наблюдать студента-драгуна в то время, когда в холостом кругу «своих», после сильных возлияний Бахусу, он откровенничает о своих «маленьких грешках». Кто не знает этого молодого человека, у того от его рассказов станут на голове дыбом волосы: все виды сладострастия как перенесенные к нам с дряхлого Востока, так и изобретенные современным нервным аппетитом разврата давно уже испытаны этим двадцатилетним, хорошеньким, безбородым мальчиком и даже перестали «астикотировать»⁵ его желание. Он, по его словам, *наскучив всем обыденным, постоянно ищет чего-нибудь новенького, острого и неиспробованного*. Он вменяет себе в особенную честь знать безошибочно имена всех выдающихся кокоток и их биржевую котировку. Заветная мечта студента-драгуна иметь своих соб-

³ *гурмана* – фр.

⁴ *сорванцов* – фр.

⁵ *дразнить* – фр.

ственных серых рысаков, абонемент в театр, всегда толстый бумажник и дюжину хорошего вина в буфете для своих друзей, таких же, как и он, студентов-драгунов. Для достижения этого современного «идеала» он не побрезгует ничем, ни даже продажей своей молодости и любви какой-нибудь мумии, упрямо не желающей подчиниться влиянию разрушительной руки времени.

Впрочем, в виде утешения, можно думать, что этот тип явление наносное, временное. Уже теперь в студенческой среде слышатся (пока еще неясные) голоса против такого тлетворного и мелочного направления учащейся молодежи.

1895